Даррен случайно оказывается лицом в нужную сторону, когда дверь распахивается. Он лежит в постели, проснулся бог знает в который час, мысли бегают по кругу. Сначала он думает, что это воображение, плод беспокойного ума - очень беспокойного ума - когда его усталые, сощуренные глаза видят светлую полоску темноты там, где должен быть дверной косяк. Не зная, функционирует ли он полноценно или нет, он решает не обращать на это внимания.

Но светлая тень становится шире, внутри нее движется тень, какое-то мерцание, которое заставляет его моргнуть и напрячься, чтобы увидеть.

Переход происходит мгновенно. В полной боевой готовности, но все еще наполовину уверенный, что это все оптическая иллюзия, что мозг играет с ним, Даррен лежит неподвижно, не в силах сфокусировать взгляд на чем-то более осязаемом, чем тени, танцующие в темноте ночи. Однако безошибочный щелчок захлопнувшейся двери приводит его в чувство.

"Что это?" - спрашивает Даррен, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Он вглядывается в почти ничто, пытаясь понять хоть что-то твердое, его сердцебиение учащается, как у истребителя с авианосца. Он неуверенно произносит: "Мама, это ты?".

Ее голос раздается совсем рядом: "Тише, не так громко, ты всех разбудишь".

"Что такое?" - шепчет он. "Что тебе нужно?" Как будто он не знает? Как будто его живот не подкатывает от беспокойства и страха.

"Поговорить", - отвечает она, когда кровать прогибается под ее весом. "Спросить тебя, что ты думаешь, что делаешь? А также объяснить некоторые вещи. Ведь тебе, наверное, интересно..." Затем, словно почувствовав намерения Даррена, в тот момент, когда он протягивает руку, чтобы щелкнуть выключателем лампы, его мать добавляет: "Не включай свет. Я не хочу тебя видеть". Наступает пауза, прежде чем она заканчивает: "А я не хочу, чтобы ты видел меня".

Даррен снова приближает руку, отдергивает ее от выключателя, как будто обжегся, и отходит от матери, сидящей на краю его кровати. "Поговорим?" - говорит он, когда одеяло страха оседает все тяжелее.

Пойманный

Амелия была в пяти минутах пути, когда поняла, что забыла ключи. Без них она не смогла бы открыть магазин, что делало решение развернуться неизбежным. Пробормотав проклятие, она свернула на боковую улицу и направилась домой, где оставила машину у бордюра вместо того, чтобы заехать в подъезд. Ждать, пока откроются ворота, было некогда, не для такого быстрого въезда и выезда. Амелия решила, что быстрее будет воспользоваться маленькими пешеходными воротами. Так она сможет обойти дом сбоку, войти через заднюю дверь, найти проклятые ключи и выйти через несколько минут.

"Оставила ключи", - сказала Амелия Эмме, проходя через кухню.

Дочь вопросительно посмотрела на нее, подняв брови, когда она мыла чашку в раковине на кухне. "О, мне интересно..." ответила Эмма, когда ее мать прошла мимо, ее голос прервался, когда Амелия продолжила идти.

Амелия знала точное местонахождение потерянных ключей: большой саквояж, который она использовала в прошлый раз, когда выходила из дома, и который сейчас лежал рядом с ее кроватью. Она быстро поднялась по лестнице, добралась до третьей площадки, делая по две ступеньки за раз.

Она остановилась прямо перед открытой дверью в свою спальню.

Очевидно, он был слишком поглощен своим занятием, чтобы заметить появление матери.

И когда Даррен заметил присутствие Амелии, было уже слишком поздно.

Спальня Даррена

Даррен не уверен, но похоже, что его мать хихикнула за мгновение до того, как ответить.

"О, Даррен. Давай", - говорит она со вздохом. "Попробуй угадать. Как ты думаешь, о чем я хочу поговорить?".

"Мне жаль", - стонет он в темноте. "I ... Я не знаю, о чем я думал". Уходи, уходи, уходи... Оставьте меня в покое!). "Я не должен был быть там... Я не должна была этого делать; я бы все отдала, чтобы вернуть все назад".

Ее голос низкий и темный, как ночь: "Ты грязный зверь, грязное маленькое животное".

Даррену так стыдно, он так подавлен, что причитает: "Мне так жаль".

На что его мать шипит: "Замолчи", поднимаясь на ноги.

Даррен чувствует колебания кровати и скорее чувствует, чем видит, как его мать пробирается в темноте к двери. Он испытывает облегчение и одновременно разочарование, когда думает, что она уходит, но вместо того, чтобы уйти, мать задерживается и возвращается на кровать.

"Хорошо", - пробормотала она, возвращаясь на свое место. "Хватит шуметь, а то весь дом проснется".

Даррену пришло в голову упомянуть, что они живут на третьем этаже. Семья его сестры живет этажом ниже; низкие голоса вряд ли кого-то разбудят. Но в данный момент у него нет возможности задавать вопросы. Ошеломленный и растерянный, он прижимается к стене, эмоции в смятении.

"Ладно, итак, - начинает его мать, - что ты делал, пробираясь в мои личные дела?".

Первое:

За несколько дней до этого

Ему понадобилось больше нескольких секунд, чтобы понять, кого он видит. Спрятать рождественские подарки было забыто, аккуратно завернутые подарки все еще лежали в большой синей сумке из Икеи, которую он использовал, чтобы занести их наверх. Вместо этого Даррен сидел, скрестив ноги, на полу, держа открытую коробку из-под обуви возле голеней, и с ошеломленным недоверием смотрел на старую фотографию, которую держал между указательным и большим пальцами.

Даррен вздрогнул, когда пришло осознание. "О Господи", - задыхался он, в то время как в его голове всплывали смутные, не вполне сформированные вопросы. Сколько ей лет? подумал он, отойдя от шока холодной воды. Девятнадцать? Двадцать? ... И кто сделал фотографию? Мама, о Боже, мама - что ты делаешь?

Когда он посмотрел вниз и увидел, что коробка набита такими же фотографиями, у него внутри все сжалось. В ней были сотни фотографий, и те, которые он мог видеть разбросанными на верхнем слое, все, казалось, изображали один и тот же объект, одну и ту же девушку. На одних она была одета, на других - обнажена, ее лицо было слишком знакомым, легко узнаваемым, несмотря на прошедшие годы, когда она смотрела на своего сына пару десятилетий назад.

Разум Даррена работал сквозь осадок. Это было все равно, что думать сквозь клей, но он все же смог заметить ее прическу и одежду - когда она была одета - в стиле 70-х годов.

Он не был способен на умственную гимнастику, необходимую для простых расчетов; Даррен не смог вычесть пятьдесят семь лет своей матери до 1978 или 79 года, но это определенно была она, позирующая обнаженной для фотографий.

Даррен выронил первую фотографию, затем взял горсть, пропуская их через пальцы одну за другой, впитывая детали зрелой, сладострастной фигуры собственной матери. "Боже, какая ты красивая", - пробормотал он.

Мгновение спустя реальность его положения прояснилась. Даррен почувствовал покалывание на шее, легкое прикосновение, от которого по позвоночнику пробежала дрожь. Он опустил фотографии в коробку, одновременно повернувшись, чтобы посмотреть на открытую дверь спальни, и его сердце заколотилось на нескольких передачах, когда он понял, что в любой

момент мимо может пройти кто угодно: его сестра, шурин или кто-то из их семейства. Не то чтобы у них была какая-то причина находиться на верхнем этаже дома, но Даррен не мог рисковать.

А что, если бы вошла его мать?

Даррен вскочил на ноги, когда его охватила паника. Он выругался, когда машущая рука ударила по боку коробки и фотографии рассыпались по ковру, их глянцевая поверхность растекалась, как масло. Он стоял на коленях, собирая их, отчаянно пытаясь замести следы и выбраться из комнаты матери, пока его не поймали.

"Черт, вот дерьмо", - пробормотал он, размышляя, есть ли какой-то порядок в том, как сложены фотографии. Вопросы сыпались на него как стрелы: как часто она заглядывает в коробку? Заметит ли она что-нибудь неладное? А если мама заметит, будет ли она задавать вопросы?

Затем для Даррена мир остановился. Он застыл на месте, когда случайно заглянул в коробку. Он уставился вниз и не обратил внимания на звук "акк", который вырвался из задней стенки его горла. Время, казалось, растянулось, когда Даррен наблюдал, как его собственные пальцы погружаются в груду фотографий. Ему казалось, что он находится на потолке, как наблюдатель, который смотрит на происходящее. Как будто он смотрел фильм.

Даррен увидел, как он поднял фотографию из кучи, смотрел на нее, казалось, целую вечность, а затем бросил мимолетный взгляд через плечо.

Мгновение спустя фотография отправилась в задний карман его джинсов.

Все еще находясь вне тела, он наблюдал, как Даррен внизу быстро убирает улики, заменяет крышку, а затем наклоняется к шкафу, чтобы засунуть коробку обратно в угол.

Когда его верхняя половина появилась, реальность вернулась, и он снова оказался в трехмерном пространстве. Даррен резко осознал реакцию своего тела: он втягивал воздух через нос, в то время как его сердце басовито стучало в груди, звук пульсировал в ушах, а в животе бурлило, и на первый план выходила тревожная потребность помочиться. Кроме того, наряду со страхом и тревогой, на глубоком, темном и несколько тревожном уровне, он также проснулся от скольжения каких-то незаконных и явно плотских чувств.

http://erolate.com/book/2301/59887